Друг детства

Автор:
Евгения Перова

Друг детства

Евгения Георгиевна Перова

Они дружили с раннего детства: вместе играли, сидели за одной партой… И не заметили, как детская привязанность переросла в любовь. А она принесла с собой не только радость, но и боль. Нежность, чуткость остались прежними… Откуда же тогда взялись предательство, ревность и измена? Саша и Оля, перейдя в девятом классе в новую школу, рассорились и дальше пошли по жизни порознь. Саша женился, Оля вышла замуж… Все у них стало как у взрослых, все стало как у всех. Но любовь не ветрянка, ею невозможно переболеть, и однажды взаимное притяжение Оли и Саши пересилило доводы рассудка…

Евгения Перова

Друг детства

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения считать случайными

Фото автора на обложке – С. Курбатов

В оформлении обложки использована репродукция картины художника Висенте Ромеро Редондо

Глава 1

Лялька и Сашенька

Едкий дымок мандариновой корки.

Колкий снежок. Деревянные горки.

Всё это видел я тысячу раз.

Что же так туго натянуты нервы?

Сердце колотится, слезы у глаз.

В тысячный – скучно, но в тысяча первый…

Александр Кушнер

Толстенькая маленькая девочка с короткими косичками, недоверчиво насупившись и выпятив животик, прижимается к ногам бабушки, которая подталкивает ее вперед:

– Ляля, посмотри, какой мальчик! Это Сашенька!

Мальчик Сашенька, спрятавшись за маму, смотрит на нее как перепуганный цыпленок.

– Ты уже большая девочка, а он еще маленький. Видишь? Ты же не станешь его обижать?

Мальчик и правда маленький, хотя младше Ляли всего на год – худенький, светловолосый и кареглазый. Он уже надул губы, собираясь заплакать, но тут Ляля решительно взяла его за руку:

– Пойдем. Я что-то тебе покажу.

– Что?

– Секретик!

И повела его в сад, где под кустом смородины в земле была ямка, прикрытая стеклышком, а там что-то яркое, блестящее и разноцветное – сокровища! Вот с этого момента Сорокин себя и помнил – как будто появился на свет только тогда, когда Лялька взяла его за руку. Он долго не задумывался, почему это они живут в доме Бахрушиных – живут и живут, надо же им где-то жить. Они – это мама Таня, папа Гриша и он сам, Сашенька. Сорокины заняли западную часть дома: две комнаты и веранду, а кухня была общая, одна на всех; общим был и сад-огород, где они с Лялькой прятали свои секретики, подъедали раннюю клубнику с грядок, строили шалаши и охотились на бабочек. А жили они у Бахрушиных потому, что в коммуналке, где у Сорокиных имелась комната, существовать было совершенно невозможно: соседи-алкаши устраивали бесконечные скандалы, и маленький Саша рос нервным, плаксивым, пугался громких звуков и все время болел. Сорокины провели у Бахрушиных лето, да так и остались – почти на десять лет.

Бабушка Наталья Львовна, пухлая, мягкая и огромная, как большая сказочная медведица, говорила басом, но была совсем не страшная, а очень добрая. Дедушку Михаила Ивановича Саша побаивался и не очень запомнил – тот почти не выходил из своей комнаты и умер, когда они с Лялей пошли в первый класс. Сначала Саша думал, что у Ляли никого больше нет, ни мамы, ни папы, но оказалось, мама есть, просто она приезжает только на выходные.

Ляля ждала ее с таким жадным нетерпением, что к пятнице просто заболевала: а вдруг мама не приедет?! Когда появился Сашенька, она слегка отвлеклась: надо было за ним присматривать, он же маленький, а она большая девочка. Постепенно Лялька научилась спокойней переживать разлуку с матерью и больше не рыдала по воскресеньям, а брала Сашу за руку и поворачивалась спиной: «Пока, мама!» – не видя, как Инна с тоской смотрит ей вслед.

Лялька действительно была большая – крупная, в бабушку, и с возрастом начала переживать, что не удалась в красавицу-мать. Увидев Инну Михайловну в первый раз, Сашка обомлел. Ему было всего четыре, но и тогда он очень хорошо почувствовал ее необыкновенную притягательность. Инна поражала не классической правильностью черт – трудно было даже понять, красива ли она на самом деле, но она так искрилась жизнью и энергией, что просто завораживала.

Более мелкая и хрупкая, чем Наталья Львовна, она тем не менее очень на нее походила. Во всех них, бахрушинских женщинах, было нечто общее: удивительная женственность, покорявшая мужчин – даже таких маленьких, как Сашка! – с первого взгляда.

Саша называл ее, не умея выговорить правильно «тетя Инна» – «Тити€на», и это имя приросло к Инне намертво. Что-то французское, кафешантанное звенело в этом легком соединении двух «ти», хотя в характере самой Инны ничего от «Фоли-Бержер» и в помине не было: умная, насмешливая, даже язвительная, она недавно защитила диссертацию и преподавала на филфаке, где студенты лезли из кожи, чтобы заслужить ее улыбку или поймать смеющийся взгляд из-под слегка приподнятой брови – фамильная особенность бахрушинских женщин, действующая на мужчин подобно выстрелу в упор.

Так же долго Сашка не задумывался, кем они с Лялькой друг другу приходятся – только во втором классе они озаботились этой проблемой, решив срочно пожениться, и отправились к бабушке выяснять степень родства, а то Ляля, которая знала все на свете, говорила, что родственникам жениться нельзя! Бабушка, с трудом удерживаясь от смеха, долго объясняла им суть дела: оказалось, что его мама – Татьяна Сорокина – приемная дочь дедушкиного брата Николая Ивановича Бахрушина, его падчерица. Так что формально они с Лялькой троюродные брат с сестрой, а на самом деле – никто! Лялька поняла, а он нет, но решил просто поверить. Бабушка уговорила их подождать еще немножко, а к третьему классу срочная необходимость жениться как-то отпала сама собой. Конечно, они выглядели просто уморительной парочкой: толстушка Лялька, басовито гудевшая, как большая пчела, и мелкий хрупкий Сашенька со звонким голоском, еле достававший ей до плеча. Несмотря на детскую полноту, Ляля была очень резвая – все время куда-то бежала, лезла, прыгала и откуда-нибудь падала, а Сашенька еле-еле за ней поспевал и то и дело затевался плакать.

Саша так привык называть Наталью Львовну бабушкой, что и в классе продолжал – по привычке. Наталья Львовна взяла их напоследок: после смерти мужа ей тяжело было оставаться в школе, в которой он директорствовал больше двадцати лет. И на первом же уроке Сашка, подняв руку и гордясь, как он все делает правильно, спросил:

– Бабушка, а на перемене можно домой пойти? – Школа была совсем недалеко от дома. Все засмеялись, и Сашку начали дразнить «бабушкой», но скоро перестали, потому что Лялька живо расправилась с обидчиками, треснув одного

портфелем, а другого книжкой – она и в классе была самой крупной, тем более что пошла в школу с восьми лет, проболев всю осень и зиму предыдущего года.

Все относились к их дружбе как к чему-то само собой разумеющемуся: в классе было несколько Александров, и когда хотели уточнить, всегда добавляли – «Лялькин» Саша! И даже учителя порой оговаривались, называя его Бахрушиным, но Сашке это даже нравилось – ему перепадал луч семейной славы: мало того, что учила их Наталья Львовна, а дед еще совсем недавно был директором, сама школа носила неофициальное название «Бахрушинской», так же как поселковые больница и библиотека, построенные Лялькиным прадедом, Иваном Евграфовичем.

Иван был третьим сыном Евграфа Дмитриевича Бахрушина – предпринимателя, дальнего родственника двух других Бахрушиных – Алексея Петровича и Алексея Александровича, прославившихся на ниве коллекционерства и меценатства. Потомственный почетный гражданин, выборный Московского биржевого общества, гласный Московской городской думы, а также попечительского совета Александровской больницы Московского купеческого общества – и прочая, и прочая, и прочая! – Евграф Дмитриевич с некоторым недоумением смотрел на своего младшего сына, который, вопреки сказкам, дураком никак не был, но тоже сильно выбивался из общей семейной картины, поскольку сызмальства увлекался исключительно наукой.

Смирившись, отец отправил его учиться в заграницы, надеясь, что со временем сын образумится и начнет приносить пользу семье. Сын не образумился, но пользу неожиданно приносить начал, внедряя в отцовские мануфактуры достижения современной европейской науки и техники. Некоторые достижения никак не желали сочетаться с русским менталитетом, а некоторые прижились и даже оказались вполне прибыльны. Но к предпринимательству сын так и не прибился, а служил главным инженером по железнодорожному ведомству, считая строительство железных дорог для России делом чрезвычайно важным и необходимым. Так что, когда дело дошло до продления линии Ранненбург – Павелец до самой Москвы, о чем подавали многочисленные ходатайства земства и городские общества Рязанской и Московской губерний, Иван Бахрушин безвозмездно передал дороге девять десятин из тех земель, что достались ему в наследство от двоюродной тетки.

Недалеко от будущей железнодорожной станции он построил дом, а остальную землю нарезал на участки по 500–600 квадратных саженей и стал продавать

желающим под строительство дач – так что отцовская жилка в нем все-таки была. Правда, полученные деньги пошли на благоустройство того же самого дачного поселка, окрещенного жителями ближайшей местной деревни «Крольчатником» – почему именно, неизвестно.

Место было прекрасное, заповедное – сосновый лес, пруды, в трех верстах знаменитый монастырь, куда вела дорога, обсаженная плакучими березами. На пустоши Иван начал разбивать парк, построил водокачку и одним из первых в Московской губернии провел электричество. После Октябрьской революции он так и работал на железной дороге, а его жена Мария Никифоровна, окончившая в свое время Бестужевские курсы, учительствовала в им же построенной школе. Бахрушиных, к счастью, не затронули никакие партийные чистки, и они благополучно дожили до старости в своем доме, над которым – как и над всем поселком – нависала страшная тень Бутовского полигона смерти, находившегося совсем недалеко: расстрелов, слава богу, слышно не было, но черные воронки-душегубки порой встречались запоздалым путникам на ночных дорогах.

Детей у них было пятеро: Александр, Софья, Михаил, Николай и Машенька – поздняя, неожиданная, самая любимая и балованная, она умерла первой, провалившись весной под талый лед на пруду: вытащили, спасли, но воспаление легких все-таки свело ее через месяц в могилу. Александр погиб под Кенигсбергом; Михаил прошел войну без единой царапины и благополучно вернулся домой; Софья вышла замуж и уехала на край земли, на Камчатку; а Николай пошел в отца – стал крупным ученым и работал в «ящике», участвуя в разработке какого-то непостижимо мощного и засекреченного оружия, но довольно быстро умер, получив несовместимую с жизнью дозу облучения, чего родные, впрочем, так никогда и не узнали.

В такую вот семью и вошла летом 1946 года Наталья Львовна Гринберг. Впрочем, Гринберг она была по мужу, от которого ее за три дня увел лихой майор Мишка Бахрушин – кудрявый, усатый, вся грудь в орденах! – куда ее унылому штатскому супругу было с ним тягаться. Наталья выросла сиротой – ее родители получили по десять лет без права переписки и сгинули в Колымских лагерях. Воспитывала ее троюродная сестра матери, женщина добрая, но на всю жизнь напуганная, так что Наташа Соколова с радостью вышла за первого попавшегося Гринберга, лишь бы не сойти с ума вместе с теткой, у которой по всем углам были припрятаны котомочки на случай ареста.

С Бахрушиным они жили весело и шумно – оба были темпераментными, заводными, так что дым шел коромыслом: и дверьми хлопали, и тарелки били, все случалось. Но обожали друг друга страшно, и дочку свою любили и баловали, так что выросла Инна умной, уверенной в себе красавицей, и замуж вышла не сломя голову, как мать, а хорошенько подумав и рассчитав – поклонников тьма, но замужество дело серьезное. Однако никакие расчеты не помогли, и чуть ли не по науке заключенный брак развалился, не успев толком начаться. Инна не учла только одного: она как-то выпустила из виду любовь, а оказалось, что без нее невозможно.

Когда Саша с Лялей перешли в пятый класс и Наталья Львовна с облегчением ушла на пенсию, Инна неожиданно вернулась домой. Только став взрослым, Сашка узнал все подробности сложной жизни Тити€ны: оказывается, через пару лет брака Инна неожиданно – в первую очередь для себя самой! – влюбилась и ушла от мужа. Вопреки всякому рассудку и здравому смыслу. И как ни умолял ее муж вернуться, как ни валялся в ногах, она не изменила своего решения даже ради дочери. Отец приезжал к Ляльке по нескольку раз в год, а на день рождения обязательно – и каждый раз это кончалось мелодраматическими сценами между ним и бывшей женой – с заламыванием рук и рыданиями. Рыдал и заламывал руки – Сергей. А Инна, повернувшись к нему спиной, курила, выпуская дым в форточку. Ну не любила она его, не любила! И упряма была – вся в отца.

Ни мать, ни отец не одобряли ее нового выбора, но что было делать! «Тот человек», как называли его взрослые, был обременен семьей и почему-то не мог развестись, хотя они с Инной и жили вместе. Именно поэтому Лялька оставалась у деда с бабкой, а Инна приезжала к ней лишь на выходные – дед наотрез отказался принимать в своем доме «того человека».

А теперь «тот человек» умер, и Инна вернулась к родителям погасшая, тусклая. «Возвращение блудной дочери», – так называла она это событие.

Какое-то время она еще ездила в институт, где работала вместе с «тем человеком», но потом уволилась и пришла преподавать литературу в «Бахрушинскую» школу, став их с Лялькой классной руководительницей.

Надо сказать, Сашка ждал этого с некоторым ужасом – Тити€на очень его смущала и даже… пугала. Прежде она относилась к нему снисходительно, ласково дразнила «щеночком» и чесала за ушком, но не обращала особого

внимания. А Сашка и впрямь словно щеночек таращил на нее свои карие глаза, «вилял хвостиком», перебирал лапками и пыхтел – только что язык не высовывал! Но однажды Саше пришлось простоять перед Инной целую вечность: как-то он случайно наступил ей на ногу и она, удержав его за руку, сказала:

– Ты должен извиниться.

Сашка окаменел. Он впал в какой-то обморок застенчивости и никак – никак! – не мог выговорить слова извинения. Инна что-то шила, сидя на садовой скамейке, а он стоял перед ней, переминаясь с ноги на ногу, как будто она и его пришила к себе крепкой ниткой. Соскучившись, прибежала Лялька:

– Мама, ну что ты его мучаешь! Давай я за него извинюсь! Он еще маленький!

– Маленький, но мужчина. Он должен отвечать за свои поступки.

Собравшись с силами, он буркнул: «Извините!» и опрометью помчался в дальние кусты – на нервной почве страшно захотелось писать. И вот теперь Инна Михайловна будет их учить! А вдруг она перед всеми назовет его щеночком?! Или опять так же унизит?! Но в школе Тити€на была совсем другая, более спокойная и не такая насмешливая. Конечно! Конечно, они все тут же в нее влюбились, смотрели ей в рот, трепетали, старались изо всех сил, чтобы заслужить пятерку, и дружно кинулись читать все, что она им велела, – даже те, кто отродясь книжки в руках не держал.

Инна проучила их три года, и это было последнее счастливое время уходящего детства: КВНы и школьные спектакли, где Сашка играл, как правило, какого-нибудь принца, а Лялька – то зайца, то медвежонка; поездки в Москву по театрам и музеям, однодневные походы, литературные вечера… И вся эта пионерская суета, тогда казавшаяся им чем-то обычным и вечным: советы дружины, линейки, слёты, красные знамена и галстуки, горны-барабаны, стенгазеты, сборы макулатуры, встречи с участниками войны и военные игры.

В новогодние каникулы праздновали день рождения Натальи Львовны, приглашая весь класс: писали сценарий и разыгрывали целое представление, в котором принимала участие даже сама бабушка. Лялька учила мальчишек танцевать, а Тити€на – девчонок, потому что мальчишки чудовищно ее стеснялись. Играли в ручеек и жмурки, разыгрывали фанты и шарады, а когда

расходились по домам, еще долго кидались снежками и валяли друг друга в снегу бахрушинского сада.

Потом, оглядываясь назад, они видели это время сквозь золотую дымку ностальгии: пироги, елочные игрушки, грецкие орехи в серебряной фольге, конфеты, подарки, вишневое варенье в хрустальных вазочках и оранжевые мандарины, запах которых смешивался с ароматами хвои и корицы. Детство… Всегда ясное небо, всегда звенит в траве шмель, катится по зеленой траве упавшее яблоко, красное солнце садится меж черных сосен, сверкает на солнце снежный наст и так невероятно пахнут первые зеленые тополиные листочки!

А долгие семейные чаепития у пыхтящего самовара! С уходящими за полночь разговорами и даже пением романсов: по части романсов был дед, но порой и бабушка подпевала его тенорку своим гудящим басом, а Инна, у которой было хорошее контральто, петь не любила. Лишь изредка баловала она друзей и родных какой-нибудь «Калиткой», или, задумчиво глядя в пространство, заводила: «День ли царит, тишина ли ночная…» После смерти деда, правда, уже не пели. Петь не пели, но гости собирались по-прежнему часто – Бахрушины были гостеприимны и любили кипение жизни вокруг, да и красота Натальи Львовны, а потом и Инны притягивала поклонников.

А чтения вслух прохладными августовскими вечерами, когда бабочки летят на огонь и стелется по низинам туман! А осенние костры! Сидя у огня, так сладко пугаться страшных Лялькиных рассказов и обмирать от случайного шороха во тьме… Осенние костры и печеная картошка, запах опавших листьев и дыма, первые заморозки и сосульки – прозрачный обломок так сладко запихнуть в рот, пока бабушка не видит! И хрупкий круг льда, намерзающий за ночь в оставленном на терраске ведре, прозрачный и тонкий, как луна, что сказочным светом заливает сверкающий серебром снег. Однажды ночью в полнолуние Тити€на вывела Лялю с Сашкой погулять, и эту прогулку они запомнили на всю жизнь, тем более что больше так уже никогда не гуляли: летом 1982 года Инна Бахрушина умерла.

Это была такая невозможная, нелепая, чудовищная смерть, что оглушила всех надолго. У Инны несколько дней болел бок, она не обращала внимания, но потом боль стала нестерпимой, и бабушка вызвала «Скорую», та долго добиралась, а когда наконец добралась, Тити€на была почти без сознания. Придя в себя на носилках у машины, она позвала Ляльку и, когда та подошла, сумела только погладить ее по щеке и прошептать: «Доченька…» Бабушка уехала с Инной, а

Ляля с Сашей остались одни – так и просидели, прижавшись друг к другу, до самого вечера, пока не вернулась с работы Татьяна Сорокина, которая тут же кинулась куда-то звонить. Она долго не оборачивалась к ним после того, как повесила трубку, и тогда Лялька спросила неожиданно высоким звенящим голосом:

– Мама умерла, да?

Татьяна обняла их и заплакала.

Инна умерла на операционном столе от обширного перитонита: лопнул аппендикс. Хирург ничего не смог сделать – было поздно. Через час Сашкин отец привез бабушку – он нашел ее в коридоре около отделения реанимации, где та сидела, безвольно опустив руки и глядя в пространство. Тяжело ступая, бабушка сразу ушла к себе. За ней поспешили Татьяна и Лялька. А Сашка поднял на отца испуганные глаза:

– Папа, это правда?!

Отец сильно обнял его и выругался сквозь зубы – Сашка никогда раньше не слышал, чтоб он так ругался.

– Ты отвлекай как-нибудь Лялю, ладно? – сказал отец.

Как отвлекать, Сашка не знал. Но Ляля придумала сама – они взяли первую попавшуюся книгу и ушли наверх. Сидя на дедушкином тулупе, они до ночи читали друг другу вслух «Большие надежды» Диккенса, пока Ляля не заснула. Сашка тихонько слез с лежанки, прикрыл Лялькины ноги полой тулупа, а потом нагнулся и легко прикоснулся губами к ее щеке, задев и краешек рта – ему так давно хотелось этого!

На похоронах Инны Бахрушиной плакали даже мужчины, а Лялькиному отцу, который еще не успел уехать в Израиль, стало плохо с сердцем. Бабушка стояла, все так же глядя в пространство, а слезы безостановочно лились по ее щекам. Не плакала одна Лялька – упрямо наклонив голову, закусив губу, она гневно смотрела на происходящее. Сашка подошел и взял ее за руку. Маленькая влажная ладошка дрожала. Но потом, посреди ночи, Лялька так страшно разрыдалась, что Татьяна Сорокина вскочила и, как была – в ночной сорочке и

босиком, – помчалась на бахрушинскую половину, а Сашка накрыл голову подушкой, но все равно слышал Лялькин безумный крик:

– Мама! Мама! Мама…

Отец же так напился на поминках, что даже не проснулся. А Сашка лежал, захлебываясь от слез, и чувствовал, как черный звериный ужас заползает ему в душу. Вот это казалось ему и есть смерть: темнота, одиночество, пыльная духота подушки, слезы, крик…

Потом Лялька замолчала. К Сашке пришла мама, обняла его и поплакала вместе с ним. Утром он боялся увидеть Ляльку, но она была ничего, только бледная и опухшая от слез. И еще какая-то замедленная – от прежней резвости в ней не осталось и следа. До конца лета они продержались на Диккенсе, благо его было аж тридцать томов. Сидели все вместе на веранде и читали по очереди – даже бабушка постепенно настолько пришла в себя, что прочла им своим гулким басом целую главу из «Тайны Эдвина Друда». Татьяна взяла отпуск и помогала Бахрушиным, потому что бабушка хотя и читала Диккенса, но в остальном справлялась плохо. Она забывала самые простые вещи и порой сидела, с недоумением разглядывая нож и картофелину: что с ними надо делать, она не понимала.

А Сашка вдруг осознал, что тоже когда-нибудь умрет. Это был не тот детский страх, что накрыл его пыльной подушкой, нет! Они сидели на веранде все вместе, Ляля читала, а Сашка внезапно подумал: смерть – это же не когда ты один и никого больше нет! Наоборот! Все есть, а тебя больше нет! Он огляделся по сторонам и попытался вычесть себя из картинки мира: вот бабушка задумчиво позвякивает ложечкой в стакане с чаем – она всегда пила чай из дедова стакана в серебряном подстаканнике. Вот Лялька с Диккенсом, вот мать с вязанием, отец с газетой… Самовар, бабочка бьется о стекло, солнечный луч скользит по щербатому полу, тянет из сада ароматом позднего жасмина и полыни… Так же сидели они при Тити€не, а теперь ее нет! И ничего не изменилось – так же пахнет ее любимый жасмин, и бабочка так же суетится у стекла. И если его, Сашки, не станет… Тоже не изменится ничего?! Как же так?

Эти мысли были ему не по силам, но он не мог от них избавиться и долго мучился экзистенциальным страхом небытия, не понимая, зачем же тогда жить, если все равно умрешь?! В конце концов он спросил у Ляльки. Он привык спрашивать у нее обо всем, спросил и об этом. Она сидела с книжкой на качелях,

лениво отталкиваясь босой ногой, и медленно покачивалась. Книжка была – стихи, которых он не понимал и не любил. Сашка сел рядом на доску – качели старые, но пока еще выдерживали их вдвоем – и спросил:

– Ляль… А ты… ты не боишься… умереть?

Она плавно повернулась к нему, медленно подняла ресницы и взглянула ясными – совершенно синими! – глазами, в которых отражалось летнее небо:

– Нет.

– Нет?! – поразился он. – А почему?!

– А я не умру.

– Как?!

– Так. Умирает только тело. А я, моя душа – никогда. Душа – вечная.

– Откуда ты это знаешь?!

С ними никто никогда не говорил о Боге, о бессмертии души, да и вообще о вере – это и в голову не приходило ни бабушке, ни тем более маме. Иконы в доме были – остались от прадеда Ивана, но никто из Бахрушиных никогда не ходил в церковь, не молился и не соблюдал постов, хотя праздновали Рождество, а на Пасху пекли куличи, красили и расписывали яйца. Наталья Львовна была великой мастерицей, и расписанные ее рукой «яйца Бахруже» – по аналогии с Фаберже! – бережно хранились у друзей и знакомых: бабушка рисовала нарциссы, желтеньких цыплят и даже целые миниатюрные пейзажи с церквами и березками, а то и с дымящим паровозом. Так что Лялька до всего додумалась сама. Даже не то чтобы додумалась, а как-то всегда это знала. Потому что иного просто и быть не могло.

– А куда девается душа?

– Ну, куда-то туда, где живут все души. А потом она опять может в кого-нибудь войти, в нового ребеночка. И опять будет жить на земле.

Эта перспектива Сашке понравилась. Он сразу поверил Ляльке – привык ей верить во всем, да и хотелось поверить!

– Вот смотри! – Лялька полистала книжку, нашла и прочла ему своим басовито гудящим голосом, в котором, однако, уже начинали звучать чистые контральтовые ноты:

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!

Лишь именем одним я называюсь,

На самом деле то, что именуют мной, —

Не я один. Нас много. Я – живой…

Сашка слушал, мало что понимая, завороженный торжественным ритмом «Метаморфоз» Заболоцкого. Лялька дочитала стихотворение до конца:

Вот так, с трудом пытаясь развивать

Как бы клубок какой-то сложной пряжи,

Вдруг и увидишь то, что должно называть

Бессмертием. О, суеверья наши!

«Бессмертие! – подумал Сашка. – Вот здорово!» Они сидели рядышком, очень близко, и медленно качались, отталкиваясь ногами. Сашкина загорелая рука казалась особенно смуглой на фоне Лялькиной бледной спины – она была в открытом сарафанчике, он в одних шортах. Сашка держался обеими руками за веревки, а Лялька прислонилась к его плечу. Что-то вдруг пробежало между ними, какая-то волна – на секунду встретившись взглядами, они отодвинулись друг от друга, а Лялька покраснела. Такое уже было однажды, и с тех пор они избегали прикасаться друг к другу, а теперь вот забыли. Но Сашке очень понравилось это новое чувство, которое он ни за что не смог бы выразить словами: впервые испытанное ощущение мужской власти над женщиной – в эту секунду он был сильнее обычно верховодившей им Ляльки, и они оба это поняли.

– Ты точно знаешь? – спросил он слегка охрипшим голосом. – Ну, что душа не умирает?

– Ага. Только тело.

– Но тело тоже жалко!

– Жалко, да. А что, лучше было бы, если б душа умирала, а тело жило и жило?! Как пустышка! Ты то-олько предста-авь… – произнесла она страшным голосом, каким всегда пугала его, рассказывая какие-нибудь жуткие сказки.

Но он дернул ее за косу и убежал, размахивая руками и подпрыгивая. Внутри у него все просто пело от счастья: я не умру! Никогда! А Лялька смотрела ему вслед, вся розовая, и улыбалась. Впервые после смерти матери.

Прошло и это горькое – со вкусом полыни – лето, а осенью к ним пришла новая учительница литературы. Все сразу же ее невзлюбили за то, что она не Инна Михайловна, и дружно принялись изводить. Учительница – Элеонора Павловна – была совсем юной и плохо умела с ними справиться, но держалась. После одного из уроков она выбежала из класса в слезах, а они притихли, понимая, что перегнули палку. Ляля вдруг встала и повернулась к классу. Сашка с тревогой на нее посмотрел: она не принимала ни в чем участия и вообще держалась особняком, а ребята тоже немножко сторонились ее, не зная, как теперь разговаривать и чем утешить. Ляля обвела класс рассеянным взглядом и сказала – рука, которой она держалась за парту, чуть дрожала, но говорила Ляля спокойно:

– Мне стыдно за нас. Она только из института и ничего еще не умеет, а мы ничем ей не помогаем. У каждого из нас в жизни будет свой первый урок. Каково нам будет, если… вот так встретят?

Класс притих в некотором даже испуге – словно сама Инна Михайловна говорила с ними! На следующей литературе Лялька сразу подняла руку.

– Да, Бахрушина? – осторожно произнесла бедная учительница, не зная, чего еще ждать.

– Элеонора Павловна! Я от имени класса прошу у вас прощения. Мы вели себя как свиньи. Больше такого не будет. Я надеюсь.

– Хорошо…

– И… можно мне уйти домой? А то я… что-то…

– Конечно, иди!

Сашка рванулся было за Лялей, но она отрицательно покачала головой – не надо! В последнее время она часто уходила гулять одна или подолгу сидела наверху на дедушкином тулупе, просто глядя в окно, хотя из него был виден только краешек неба да часть сосновой кроны вдалеке.

Лялька ушла. Учительница и ребята молча смотрели друг на друга – никто не знал, что делать дальше. Потом Элеонора сказала:

– Я рада, что вы нашли в себе силы попросить прощения. Я тоже прошу прощения, что сразу не поговорила с вами! Я просто не знала, как сильно вы любили Инну Михайловну, да и при Ляле не хотелось… Я понимаю, вам тяжело, вы потеряли любимую учительницу – но подумайте, каково Ляле? И вы совсем ей не помогали таким своим поведением! Не бойтесь проявить к ней сочувствие и любовь! Не надо ничего особенного, просто относитесь как всегда. Она сама все поймет.

Кто-то из девочек всхлипнул. Элеонора Павловна покачала головой:

– Не надо плакать. Это жизнь. А вы уже почти взрослые. И… вот что! Давайте мы забудем сегодня про урок, и я просто почитаю вам стихи! Я думаю, Инна Михайловна это бы одобрила. Эти поэты не входят в программу, но… просто послушайте.

Когда б вы знали, из какого сора

Растут стихи, не ведая стыда…

Как желтый одуванчик у забора,

Как лопухи и лебеда….

До конца урока она читала им Ахматову, Гумилева, Мандельштама, Цветаеву, Пастернака, немножко рассказывая о судьбах поэтов. Это был странный урок –

Инна Михайловна предпочитала держаться школьной программы. Впервые они почувствовали, что поэзия – это не просто текст в книжке, который надо зазубрить и отбарабанить, а быть поэтом совсем не так просто – «строчки с кровью убивают – нахлынут горлом и убьют». Они не все понимали в этих стихах – самыми простыми показались Ахматова и Гумилев, и Сашка долго еще повторял привязавшиеся гумилевские строчки:

Я конквистадор в панцире железном,

Я весело преследую звезду,

Я прохожу по пропастям и безднам

И отдыхаю в радостном саду…

Конквистадоррр! Но поэзию так и не полюбил.

А потом произошло два события, которые окончательно разрушили их уже и так неустойчивый детский мирок. Сначала Сорокины получили квартиру. Татьяна растерялась: они так давно этого ждали, так долго мечтали, но уехать теперь, оставив Наталью Львовну и Лялю одних?! Однако и Ляля, и Наталья Львовна так искренне за них радовались, что Сорокины начали потихоньку готовиться к великому переселению: Татьяна разбирала барахло, которого накопилось порядочно, а Гриша занимался всякими доделками и переделками. Квартиру им дали «на той стороне» – железная дорога разрезала город на две неравные части: одна «дачная», где кроме Крольчатника и остатков старых деревень сохранилось еще много бараков от разных московских фабрик; а другая – «городская». Там еще перед войной начали сооружать большой завод, в 50-е годы с помощью пленных немцев довольно быстро понастроили множество домиков с черепичными крышами – в один кирпич, а потом, тоже довольно быстро, возвели кучу однотипных пятиэтажек. Квартиру Сорокины получили в заводском доме, кирпичном, уже двенадцатиэтажном – к этому времени Григорий стал главным инженером одного из цехов.

До зимы они прожили у Бахрушиных, потом торжественно переехали, но Сашка остался: ездить в школу с новой квартиры надо было на двух автобусах. Туда он отправлялся только на выходные, и то выдерживал лишь субботу. Татьяна тоже часто приходила к Бахрушиным, жалуясь, что никак не может привыкнуть на новом месте: большая двухкомнатная квартира после бахрушинского приволья казалась Сорокиным тесной.

В этой беготне на два дома Сашка не сразу осознал, что очень редко стал видеть отца – вообще-то он, конечно, был «маменькин сынок»: Гриша очень много работал и сыном почти не занимался, но тот с младенческого возраста обожал папу и гордился своим с ним сходством. На всякие ёлки, в Парк культуры имени Горького, в зоопарк или цирк их с Лялькой возили мамы. Сашка не любил ездить в электричке и на метро, пугался грохота и гудков, быстро уставал, а Ляльке все нравилось и она умела его отвлечь, переключив внимание: ой, смотри, какая штука! Один раз, правда, отец съездил с Инной, Лялей и Сашкой на ёлку в Лужники – но потом уже больше не соглашался. Когда Сашка подрос, отец стал брать его с собой на городской стадион, где, чудовищно рыча и завывая, носились в клубах пыли мотоциклы – местная заводская команда была чемпионом России по мотоболу. Сашке не очень нравилось это действо – уж больно громко! Но зато – с отцом. Потом мужики пили пиво, а Сашка качался на качелях в детском парке…

На зимних каникулах Сорокин-старший совсем куда-то пропал, и Сашка, наконец, догадался спросить у матери: а что, отец в командировке? Они как раз были в новой квартире – разбирали книги. Мать ответила, не поднимая головы:

– Нет, не в командировке.

– А где ж он?

Мать ушла на диван и оттуда ответила тусклым голосом – и Сашка только тогда заметил, как плохо она выглядит:

– Он нас бросил.

Книги посыпались у него из рук:

– Как… бросил?..

– Так. Не знаешь, как бросают?

– Вы что… разводитесь?!

– Да.

– А почему вы мне не сказали?!

– Вот, говорю.

– Но почему?! – закричал Сашка. – Почему?! Что ты сделала?! Он же не мог просто так! Ты что-то сделала, раз он…

– Я?!

Мать вдруг засмеялась, и Сашка тоже неуверенно улыбнулся: а вдруг она его просто пугает?

– Я сделала?!

Татьяна поперхнулась смехом и закашлялась, страшно покраснев – махала руками и задыхалась. Сашка кинулся на кухню, притащил воды в кружке, мать отпила, продышалась и с силой отшвырнула кружку в сторону, плеснув водой.

– Я сделала?!

Сашка в испуге отступил и первый раз пожалел, что так похож на отца: ему показалось, что мать видит перед собой не сына, а мужа, такой яростью горели ее глаза.

– Ты хочешь знать, что я сделала?! Я всю свою жизнь его любила, я сына ему родила, прыгала вокруг него, пылинки сдувала, только что с ложечки не кормила! А он меня предал! Квартирой от нас решил откупиться… Предатель, иуда! И ты туда же – достойный сын своего отца! Что я сделала!.. Вот иди теперь к обожаемому папочке, давай! То-то ты его новой жене нужен! Как раз будешь там… за ребенком присматривать. Кто там у них ожидается… не знаю. Брат у тебя будет… или сестра…

Татьяна выдохлась, но смотрела все равно гневно, а Сашка совершенно растерялся:

– Мама…

– Что я сделала! Видеть тебя больше не хочу!

И ушла из комнаты, хлопнув дверью.

Мир рухнул.

Почему-то ему вдруг пришла в голову совершенно неуместная мысль: значит, они опять не поедут к морю. Давно собирались, вместе с Бахрушиными строили планы, выбирали маршрут, но все что-то мешало, то одно, то другое, и отец почему-то не желал ехать «всем колхозом», а Сашка не хотел без Ляльки…

И вот!

Прошлым летом… не вышло… и теперь… опять… не выйдет…

Сашка повалился на пол и зарыдал в голос, как рыдал в детстве, заходясь в истерике, – здоровый четырнадцатилетний парень с пробивающимися усиками и в тапочках сорок первого размера. Отец их подло предал, он сам чудовищно обидел мать, она теперь его никогда не простит, он остался совсем один и никому не нужен, если только Ляльке, но она далеко, а если бы сейчас была здесь… Если бы она сейчас была здесь, то он, может быть, так бы и не плакал.

Конечно, Татьяна тут же прибежала и обняла его, и заплакала вместе с ним, и утешала, и целовала, и отпаивала какой-то вонючей гадостью из темного пузырька, и кляла себя за то, что сорвалась на ни в чем не повинном сыне, а Сашка, давясь слезами, твердил только одно:

– Мамочка… прости… меня…

Потом они помирились и долго сидели, обнявшись, на полу среди рассыпанных книг.

– Ничего, не пропадем! – сказала Татьяна, взъерошив ему волосы. – Пробьемся!

– Ненавижу его!

Татьяна вздохнула:

– На ненависти, друг мой, не проживешь. Бог с ним, пусть… как хочет. А мы – сами по себе.

На следующий день Сашка пошел и постригся под нулевку. Лялька ахнула, а мать только покачала головой: «Дурачок мой маленький! Да разве в волосах и глазах сходство! Сам будь другим». Волосы отрасли, конечно. Чуть потемнее, чем были, но все равно светлые. Если бы не Лялька, он не справился бы. Начал курить, плохо спал по ночам, все его раздражало, и часто они с матерью кричали друг на друга, выплескивая отчаянье: Сашка грубил, Татьяна злилась. Мать взяла себя в руки быстрей – надо же было спасать сына. Но главной спасительницей оказалась Лялька: она хорошо умела его отвлечь, усмирить злобу и ненависть к отцу, найти что-то светлое и смешное в окружившем его мраке. А потом сказала как-то, грустно глядя ему в глаза:

– Он-то хоть жив…

И Сорокину стало стыдно.

Отец был жив и даже однажды позвонил в дверь. Увидев Сашку, Гриша неуверенно улыбнулся, но тот, сузив совершенно черные от ненависти глаза, точно такие, как у отца, не сдвинулся с места, а громко крикнул:

– Мама! К тебе тут пришли. По поводу развода.

Григорий поморщился, как от удара, но промолчал. Сашка ушел было к себе, но понял, что не может выносить присутствия отца даже за закрытой дверью, и решил пойти к Бахрушиным. Родители так и стояли в прихожей. Сашка старался на них не смотреть, но все равно заметил, что отец низко опустил голову, а мать, наоборот, выпрямилась – никогда в жизни не видел он у матери такого гордого и надменного выражения, никогда! Сашка вдруг впервые понял, какая мать красивая: не такая, как Тити€на, совсем другая, но красивая…

Отпуск Татьяна хотела провести, как всегда, у Бахрушиных, но потом, после очередной встречи с Гришей, вдруг передумала. Она не говорила сыну, но отец уже сто раз просил прощения, отказывался разводиться, клялся, что больше никогда, – но Татьяна не находила в себе сил простить: она так ему верила! Так верила! Всю жизнь! А ведь Инна пыталась как-то открыть ей глаза, и она, дура,

еще на Инну обиделась. Так и дальше жила бы – знать ничего не знала, если бы эта… его… не заявилась к ней сама с таким животом, что не отопрешься.

А Гриша никак не мог поверить, что все кончено. Как же так?! Конечно, он виноват, он и не отпирается. Черт дернул его связаться с этой дурой! Кто ж знал, что так обернется?! Он прекрасно себе жил, тихонько развлекаясь на стороне – да разве можно устоять, когда бабы так и вешаются на шею! Мужик же он, в конце концов! А семья – дело святое. Танька – это одно, а прочее бабье – так. Ему почему-то казалось, что Танька… ну… поймет. Должна ж она понять! Нет, не поняла. Танька стояла как скала, и Гриша растерялся: как же он теперь… без нее?! Без Сашки?

Сашка, к счастью, ничего этого не знал – он и так переживал отцовское предательство и случайные встречи очень болезненно. Всегда отец был главным, все в семье вертелось вокруг него, и к матери отец относился как-то… слегка снисходительно, что ли? Ласково, но… снисходительно, словно она не дотягивала чуть-чуть до его совершенства: красавец, душа любой компании, на хорошей должности, за ним как за каменной стеной. А мать – слишком проста. И Сашке тоже так казалось! И вот все перевернулось с ног на голову: стало ясно, что каменная стена – это мать, весь мир держится на ней, а отец… Отец! Ничтожество и тряпка.

Сашка припоминал разные мелочи, на которые раньше не обращал внимания, и впервые вдруг подумал: а не было ли чего-то такого между отцом и… Тити€ной?! Отец всегда относился к Инне прохладно, словно побаивался, а один раз Сашка и Лялька оказались свидетелями скандала: играли в саду, на крыльцо вдруг выбежал отец, весь красный, потом выскочила мать, схватила его за руку, он вырвался и ушел в сад. Татьяна вернулась на веранду, где, помахивая стройной ножкой в изящной туфельке, курила Инна. И даже через дверь, которую Татьяна закрыла с грохотом, слышны были их голоса: раздраженный – Татьяны и спокойный, слегка насмешливый – Тити€ны. Сашка с Лялькой переглянулись и ушли от греха подальше, а потом он полночи не спал – несмотря на то что голову он накрыл подушкой, все равно слышал доносившиеся шепоты, всхлипывания, вздохи, характерные стоны и скрип кровати: это Григорий доказывал Татьяне свою любовь и преданность. Сашка был уже достаточно взрослым, чтобы понимать, что к чему.

И что их так разобрало?! Спать не дают! – сердито думал он…

– Знаешь что? – в один прекрасный день сказала вдруг Татьяна, наливая Сашке второй половник его любимого харчо. – Давай поедем к морю? Что это мы тут киснем!

К морю!

Он так давно об этом мечтал, что не верил своему счастью, которое было бы совсем полным, если бы с ними могла поехать Ляля. Но она никак не могла, и даже Сашке было ясно: Наталью Львовну нельзя оставлять одну. Лялька тоже огорчалась, однако не подала виду и утешала Сашу:

– Зато ты мне все расскажешь. А то кому бы ты рассказывал? И ракушку привезешь! И камушков!

Но Саше больше нравилось все переживать вместе с Лялькой, а без нее он и половины не заметит и не разглядит, да и вообще с ней веселей. Они так привыкли друг к другу, так тесно приросли один к другому – словно две горошины в одном стручке, и не подозревали, что еще чуть-чуть – стручок лопнет, и разнесет их в разные стороны беспощадный ветер перемен.

Поехали Сорокины в Алупку – дикарями. Сняли крошечную комнатенку с двумя койками, до моря было далековато, обратно приходилось долго лезть в гору, но какая разница – море, солнце! Виноград, свисающий с лозы, что заплела весь внутренний дворик; инжирины, упавшие на жестяную крышу сарая и завялившиеся на солнце; молодые грецкие орехи; персики – огромные, как луна, встающая над морем; красное вино из бочки – его Сашка попробовал впервые; чайки, цикады, дельфины – дельфины! И летучие мыши по ночам, которых до визга боялась мать, а Сашка мужественно выгонял полотенцем. Они оба мгновенно загорели, Татьяна помолодела лет на десять, и к ней то и дело клеились какие-то мужики, а Сашка ревниво пыхтел. Один вообще пристал:

– Пацан, познакомь с сестрой-то!

– Это моя мама! – сказал с возмущением Сашка, а Татьяна хохотала.

Они съездили в Никитский ботанический сад и в Ливадию, гуляли по Царской тропе, катались на лодке по лунной дорожке и были так счастливы, как никогда в жизни; а когда Татьяне хотелось ночью поплакать, она тихонько уходила в

сад, где в траве шуршали ежи и по огромному дереву грецкого ореха пробегали неугомонные белки. Сашка все время представлял, как удивлялась бы Лялька всему на свете: и морю, и Воронцовскому парку с лебедями и фонтанами, и дельфинам, и цикадам, и персикам; как боялась бы она слезать в море с громадных камней, а уж летучие мыши напугали бы ее и подавно! Две недели пролетели стрелой, и скоро уже Сашка, приплясывая от нетерпения побыстрее увидеть Лялю, стоял на автобусной остановке с пакетом абрикосов в руке и дыней под мышкой. Женщины, проходя мимо, оглядывались на него: длинноногий, стройный, загорелый, с выгоревшими до белизны волосами, он так и светился юностью, энергией, жаждой жизни! И очень похож на отца – нравилось ему это или нет.

Отдав дыню и абрикосы Наталье Львовне, Сашка побежал в сад, где Ляля собирала ягоды к чаю. Увидев Сашку, она чуть не бросилась ему на шею, но смутилась. И он тоже – однако как еще выразить свою радость, оба они не знали.

– Сашка! Какой ты красивый! А черный! Прямо негр! И гладкий такой! Можно потрогать?

Он с гордостью согнул руку в локте, демонстрируя ей мускулатуру, и Ляля осторожно погладила его теплой ладошкой, которая на фоне Сашкиного загара казалась совсем бледной. И когда она провела рукой по его коже от локтя до плеча, забравшись под короткий рукав футболки, он вдруг почувствовал что-то такое… странное, что весь покрылся мурашками. Лялька тоже резко отдернула руку, как будто обожглась:

– Ну что, пойдем чай пить?

Они стояли в заросшем малиннике, как в лесу – ягоды уже почти сошли, листья подвяли, редкие осы разочарованно кружили среди колючих веток, невидимая среди листвы птица четко выговаривала: «А ты Витю видел? А ты Витю видел?..»

– Ты поцарапалась…

– Где?

– Вот, на плече…

Она повернула голову, приподняв плечо:

– А, заживет! Пошли?

Но Сашка смотрел как зачарованный на ровную ярко-розовую царапину на ее белом плече, потом, не сознавая сам, что делает, нагнулся и провел языком по нежной, чуть солоноватой на вкус коже – по царапине…

– Ай! Ты что? Щиплется же! Зачем ты это сделал?!

– Не знаю…

Она смотрела на него во все глаза, медленно краснея, – у него тоже горели щеки и уши, а потом они неожиданно поцеловались неловкими, сладкими и чуть липкими от малины губами. И в ту же секунду бабушка закричала им из дома:

– Дети! Ляля, Саша! Чай готов!

Они пили чай, словно ничего такого не случилось, и Сашка рассказывал про Крым, а Ляля с бабушкой дружно ахали и смеялись, но потом, когда Лялька пошла провожать его до остановки, они еще раз поцеловались, уже более уверенно.

Он стал приходить каждый день. Порой Ляля была занята: она давала уроки немецкого языка маленькому очкастому пацану, сыну бабушкиного знакомого, – малец был очень серьезный, и Сашка веселился, видя его сосредоточенную мордашку: тот на ходу бормотал немецкие глаголы. Но чем бы они оба ни были заняты, в течение дня всегда выпадала минута, когда, осторожно соприкасаясь неумелыми губами, оба словно проваливались в темную, дышащую истомой бездну. Они даже не обнимались – прикоснуться друг к другу было страшнее, чем поцеловаться, только один раз Сашка нежно провел пальцем по Лялькиному белом горлу – до ключиц, хотя больше всего на свете ему хотелось потрогать ее грудь, которая так соблазнительно выглядывала из выреза сарафана, когда Лялька нагибалась. Потом они осмелели настолько, что поцеловались с открытым ртом, и это было так сильно и остро, что оба испугались и смутились. Неизвестно, куда бы завели их все эти поцелуи в кустах, но тут настало первое сентября.

Бахрушинская школа была восьмилеткой. На выпускном одноклассники чуть не плакали, расставаясь с Сашкой и Лялей: только они из всех «бахрушенцев» собирались учиться дальше в школе «на той стороне» – она, конечно, была лучшей в городе, но уж больно далеко ездить. Все остальные дружно перешли в местную школу недалеко от станции. Сашке-то было близко от новой квартиры, но как же он без Ляльки!

В новую школу они шли вместе, но когда попали на школьный двор, Сашка вдруг увидел Лялю как бы со стороны и… расстроился. Он сам был вполне ничего: загорелый, высокий, в новом костюме, с новым шикарным портфелем, подаренным отцом, – Сашка не хотел брать, но мать настояла. Девчонки уже бросали на него заинтересованные взгляды, и он расправил плечи. А Лялька… Она похудела за лето, но все равно выглядела самой… самой крупной из девчонок, а форма, из которой она выросла, делала ее совсем неуклюжей. На локтях платья были нашиты аккуратные заплатки, и воротничок простой, а у других девчонок кружевные, и косу уже никто не заплетал, и туфли у некоторых были на каблучках, а у Ляльки – поношенные босоножки и детские носочки. Эти носочки его совсем доконали, и он сказал ей тихо:

– Ляль, послушай! Давай ты с кем-нибудь из девчонок сядешь, ладно? А то как-то…

– Хорошо. – И она еще выше подняла голову.

Это было его первое предательство.

Как самые лучшие, они с Лялей и еще с пятью чужими ребятами попали в класс «б» – «ашники» были элитой школы, а в класс «в» собрали остальных учеников из двух школ-восьмилеток. Сашка сел вместе с другим новеньким – длинным носатым Калугиным, тоже Александром, а Ляля в результате осталась одна – пары ей не нашлось. Сначала они еще держались вместе – болтали на переменах, шли вдвоем из школы, перезванивались, а по выходным Сашка, как всегда, приходил к Бахрушиным, и они с Лялькой тайком целовались в уголке. Но потом она стала замечать, что в школе чаще видит Сашкину спину, – он сидел чуть впереди, а на переменах ускользал. Из школы она теперь ходила одна, а когда однажды зашла за ним утром, Сашка был не очень доволен и удрал от нее на полпути: ну что ты плетешься, как черепаха?!

Ляле приходилось очень трудно: в старой школе ее все любили и было совершенно неважно, как она выглядит. И Сашке это было все равно – поцеловал же он ее в малиннике! А здесь она вдруг неожиданно оказалась отверженной: никто не рвался с ней дружить, наоборот – над ней смеялись и даже потихоньку издевались. Особенно смешило всех ее детское имя: Ляля не сразу научилась отзываться на Ольгу. Она не сразу поняла, что Сашка не станет ее защищать, но потом, когда Светка Заварзина, признанная королева класса, довольно язвительно по ней прошлась и Сашка засмеялся вместе со всеми, Ляля наконец осознала это. Ей-то по наивности казалось, что Сашка просто по-мальчишески стесняется их дружбы, но скоро заметила, что с другими девчонками он «дружит» вовсю, ничего не стесняясь.

Сначала она молчала, не отвечала никак на насмешки, терпела Сашкины выкрутасы и просто училась – училась, как всегда, блестяще, довольно скоро обойдя всех. Она никогда не вызывалась сама, но, когда приходилось, отвечала обстоятельно и исчерпывающе. Классу осталось лишь признать, что «эта корова» Бахрушина вовсе не дура. Не все учителя тем не менее любили ее вызывать, потому что каждый раз складывалось странное впечатление, будто Ольга не учителю отвечает урок, а объясняет материал ученикам. В ее изложении становилась понятной любая, даже самая сложная тема, и постепенно некоторые ребята стали подходить к ней за помощью – она не отказывала никому, но списывать не давала. «Лучше я тебе объясню, и ты сделаешь сам, ладно?» – предлагала она.

Больше всего над ней смеялись на физкультуре, и Лялька тихо страдала: купить новый тренировочный костюм взамен старого, из которого она тоже выросла, было можно, но фигуру-то другую не купишь! Да и на костюм денег пока не было, а старый обтягивал ее так, что… Что в один прекрасный день штаны треснули по шву, и весь класс увидел ее розовые трусы. Как же все ржали! И Сашка с ними, это было самое обидное. Ольга не заплакала. Она тут же ушла с урока, а физрук заорал на класс в полной ярости:

– А ну замолчали все! – Ребята испуганно притихли, и он, оглядев строй грозным взглядом, произнес: – Как вам не стыдно!

– Да смешно же! – сказал Калугин.

– И что именно тебе смешно? Что девушка попала в неловкое положение? Что у нее нет возможности купить себе такой вот костюм, как на тебе? Что у нее нет

богатенького папы, как у тебя, а мама умерла? И что живут они только на бабушкину пенсию? Это так все смешно, не правда ли, Калугин?

Класс молчал. Сашке было мучительно стыдно – ведь и он хохотал, как дурак, со всеми. Ляля держалась спокойно, никто ее не дразнил, а некоторые девочки даже подходили с утешениями. Только Калуга донимал ее, распевая:

– А у Бахрушиной розовые трусы!

Ляльке это надоело, и она, повернувшись к Калугину – урок еще не начался, сказала громко, на весь класс:

– Глупый маленький Калугин сделал научное открытие: девочки носят трусы! Что же с ним будет, когда он узнает, что там, под трусами, тоже кое-что есть?

Калугин остолбенел, класс дружно выдохнул. Сашка, сидевший с Калугиным, с трудом удержался, чтобы не засмеяться, – Лялька! Только она могла так отбрить! Как он гордился ею в этот момент – несмотря на неприятное чувство, что сам давно должен был заткнуть Калугину рот. Весь урок по классу гулял нервный шепоток: происходила дружная переоценка ценностей – никто из одноклассников в жизни не осмелился бы произнести такое вслух! Вот это Бахрушина! На перемене озлившийся Калугин прижал Ляльку в темном углу, но она не испугалась:

– Отстань от меня, придурок! Как тресну, мало не покажется!

Сашка шагнул было к ним, но его опередил Сережка Пименов, и они с Калугиным подрались. А Лялька царственной походкой прошла мимо них по коридору – Сашка проводил ее взглядом: похудела она, что ли? Или что? Как-то изменилась…

Да, Ляля изменилась. Она поняла, что надо защищаться, что никто просто так тебя любить не будет и что предать может любой, даже самый близкий человек. Теперь она и впрямь чувствовала себя Ольгой – сильной, уверенной, независимой. А маленькая нелепая Лялька осталась там, в малиннике детства.

Вера Федоровна, классная руководительница, предложила ей материальную помощь от школы, но Ольга гордо отказалась: мы справимся, спасибо. Тогда Вера Федоровна нашла ей платных учеников, и у Ольги теперь почти совсем не стало свободного времени: уроки, ученики, дорога – она все время старалась ходить пешком, чтобы похудеть. Дом тоже требовал и времени, и денег: то крыша протекала, то заваливался забор. Оля Бахрушина не бывала ни на школьных вечерах, ни в гостях у одноклассников, зато Саша Сорокин развлекался вовсю.

Оля видела его то с одной девчонкой, то с другой, но, когда он приходил к ней – а он еще приходил, – как-то размякала и забывала обо всем, уж очень одиноко ей было. И каждый раз надеялась, что Сашка, которому она, целуясь, позволяла все больше и больше, не отвернется от нее в школе и все поймут, что это она – его девушка! Она, а не Жанка! И не Светка. Но он отворачивался. И делал вид, что ничего особенного между ними нет.

И Оле вдруг перестали нравиться его поцелуи. Нет, она по-прежнему обмирала от малейшего его прикосновения, но… Но это-то ей как раз и не нравилось. Ляля долго не могла объяснить себе, что не так, потом дошло: она-то не хотела целоваться больше ни с кем! Только с ним! А он…

«Какая я все-таки дура!» – мрачно думала она, спускаясь вниз по Центральной улице. Пешком она ходила еще и потому, что по дороге можно было поплакать, а дома надо было держаться, чтобы не расстраивать бабушку. – Почему я это все терплю? Почему не выскажу ему все, что думаю?» Они так ни разу не сказали ни слова по поводу поцелуев, просто глядели друг другу в глаза, смущенно улыбались и целовались, как будто так и надо. И в следующий раз, когда Сашка обнял ее, Ляля позволила себя поцеловать, но тут же вывернулась из его объятий и села подальше:

– Все, хватит.

Сашка подвинулся ближе и попытался продолжить, но Ольга решительно его оттолкнула:

– Хватит, я сказала! Я не хочу больше.

– Да ладно! Тебе же нравится!

– Нравится, ну и что? Я не хочу, чтобы ты на мне тренировался, а потом целовался… со всякими Жанками.

– Да с какими еще Жанками, что ты выдумываешь…

– С такими. Очень хорошо вас разглядела.

– Ну что ты, Ляль! Это все так, глупости.

– А мне почему-то кажется – это я «так». Я у тебя что, только для домашнего пользования?! А в школе я никто и звать никак? Бахрушина? Ты даже Олей меня не называешь, не то что Лялькой!

Сашка был потрясен – он никак не ожидал, что Лялька вдруг взовьется! Так все было хорошо, он с понедельника начинал мечтать о субботе, ему ужасно нравилось с ней целоваться – что-то особенное было в этих тайных поцелуях, более жгучее и пряное, чем с другими девчонками, и он даже осмелился один раз осторожно положить руку ей на грудь… И вот вам!

Он как-то ловко договорился сам с собой: Лялька – это одно, а все остальные – так, погулять вышли. И думал почему-то, что ее это тоже устраивает, и Лялька, может быть, даже благодарна, что такой парень, как он, приходит к ней, нескладной и нелепой девчонке. Нескладная и нелепая, но действовала она на него так, как ни одна из этих складных красоток, что бегали за ним точно влюбленные кошки.

На самом деле он не слишком размышлял о происходящем – просто жил, словно летел на волне, как дельфин, балансируя и задыхаясь от восторга, в брызгах солнца. Молодость, сила, красота, поцелуи, объятия, свидания… И вдруг – бац! Его вынесло на песок, накрыло волной, и он бестолково машет руками, глотая соленую воду.

– Так ты что хочешь, чтобы я…

– Я хочу, чтобы ты сказал, кто я тебе.

– В каком смысле?..

– Саш! Тебе просто целоваться нравится или… именно со мной?!

Сашка покраснел – он чувствовал себя как на экзамене и боялся получить двойку.

– С тобой…

– А тогда зачем ты с Жанкой?! Я же больше ни с кем!

– Да кто еще захочет-то! – вырвалось у него.

С ужасом глядя, как изменилось выражение Лялькиного лица, он понял: «двойка»! И забормотал:

– Ляль, ну ты это… Я хотел сказать, что… понимаешь, ты просто… ну… ты не такая, как другие девчонки! Одета и вообще… Я-то знаю, что ты… а кто другой…

– Уходи.

– Ляль, ну не надо так! Прости, я ляпнул, не подумав! Ты же знаешь, что я… как я… к тебе отношусь!

– И как?

– Хорошо! Я очень хорошо к тебе отношусь! Правда!

– Ну да, пока мы с тобой тут на диване сидим. А в школе опять спиной повернешься. Хватит, надоело. Мне милостыни не надо. Либо все, либо ничего.

– Такая ты, да?

– А то ты не знал!

В понедельник они столкнулись в раздевалке, молча постояли друг перед другом, отражаясь в большом зеркале: высокий красивый мальчик и полненькая

девочка в старой школьной форме. Постояли и разошлись. Сашка так и не нашел в себе сил признать перед всеми, что Лялька Бахрушина… что у них с Бахрушиной… что…

Да в самом-то деле!

Подумаешь!

Проживет он и без Лялькиных поцелуев!

Не очень-то и хотелось!

Хотелось. И очень.

Но… лавочка закрылась, как сказала ему Лялька, когда он, не поверив, что она вот так откажется от него, приперся в следующую субботу.

– Что тебе, Сорокин?

Он заморгал:

– Ну, Ляль… Я просто… как всегда…

– «Как всегда» кончилось.

– И что, ты со мной больше даже дружить не хочешь?!

– А мы вот так дружили? И тискал ты меня тоже по дружбе?

Она всегда все называла своими словами. Увидев, как он залился краской, Лялька смерила его насмешливым взглядом, совершенно материнским движением приподняв изогнутую бровь, и закрыла у него перед носом дверь.

Ах, ты так?! И Сашка пошел вразнос: он демонстративно пересел к Светке Заварзиной, а Жанка поджидала его после школы, устраивая сцены, и однажды чуть было не подралась со Светкой. Оля наблюдала все эти безобразия

совершенно невозмутимо, а встречаясь с ним взглядом, смотрела с легким удивлением: а ты кто такой? К концу года у Бахрушиной в друзьях было уже полкласса, Сережка Пименов провожал ее из школы, Калугин при ней помалкивал, и все страшно жалели, что Ольга не поедет в школьный спортивный лагерь на Селигере. С Сорокиным она разговаривала, но точно так же, как с остальными мальчишками: чуть более ласково, чем с Калугиным, но гораздо более сурово, чем с Пименовым. «Ну и пожалуйста! – думал Сашка мрачно. – Еще пожалеешь!» Но так вышло, что пожалеть пришлось ему.

Глава 2

Темные сны

Кто я такой, чтобы лежать на этой кровати

и целовать твои запястья?

Завтра найдётся кто-нибудь повороватей,

но и понесчастней.

Михаил Гронас

Все лето они почти не виделись, а первого сентября Сорокин Ляльку не узнал: взглянул мельком, потом внимательнее и удивился: Ольга еще похудела и как-то подобралась – в темно-сером платье с кружевным воротничком, с уложенными вверх волосами, она выглядела очень взрослой и женственной. И портфель был новый, и туфли, но самое главное – у нее был другой взгляд, и когда Ольга, повернув голову, улыбнулась ему, чуть приподняв бровь, он тут же вспомнил Инну Михайловну. То таинственное, манящее, завораживающее, что было в ее матери, – и чего он по малолетству не мог себе объяснить, но очень чувствовал, – вся эта женская сила теперь проявилась и в дочери. С ней что-то случилось, думал он, следя за Ольгой напряженным взглядом. Что-то произошло! Он сам изменился и чувствовал себя совсем взрослым – на Селигере они со Светкой успели довольно далеко зайти в любовных экспериментах. И когда Саша глядел на Ольгу, которая стояла в окружении мальчишек – ты подумай, как их сразу притянуло! – его поразила страшная мысль: а вдруг и

она… Вдруг она тоже с кем-то… экспериментировала!

У него потемнело в глазах. К Бахрушиной подошел физрук, и Ольга, мило улыбнувшись, подала ему лиловую астру из своего букета – и он взял! Взял и, обломав длинную ножку, сунул цветок в верхний кармашек пиджака! Придурок!

Но тут на Сашку обрушилась Светка, и им пришлось идти в класс.

– Бахрушина-то, смотри! На человека стала похожа! Только платье – фу-у, старье! Сейчас ей ка-ак вломят за то, что без формы!

Сашка промолчал. Платье действительно было бабушкино, перешитое. Но никто из учителей не обратил на Ольгин наряд ни малейшего внимания: как раз ввели новую форму, половина девчонок щеголяла в синих костюмчиках, часть так и донашивала старые коричневые платья с фартуками, а некоторые, посмелей, вообще наряжались по-своему. Привязалась только математичка, тощая и злобная старая дева по прозвищу Косинус, которая цеплялась ко всем хорошеньким девчонкам. Ольга отвечала у доски, и математичка, оглядев ее с ног до головы, спросила:

– Почему это ты не в форме, Бахрушина?

– Видите ли, Мария Петровна, дело в том, что на мой выдающийся… размер… школьную форму уже не продают…

Класс замер.

– А шить форму в ателье, ради нескольких последних месяцев, нам с бабушкой не позволяет материальное положение. Так что придется вам потерпеть меня в этом платье, тем более что Анна Семеновна не возражает.

Мария Петровна побагровела.

– Как ты смеешь мне дерзить!

– Я только ответила на ваш вопрос.

– Больно умная стала! Садись, «четыре».

Но Оля не села.

– Простите, Мария Петровна, не могли бы вы обосновать вашу оценку? Почему именно «четверка»? Я допустила какую-то ошибку?

Класс уже не дышал: во дает Бахрушина!

– Как ты… Как ты смеешь так со мной разговаривать?!

– Но должна же я знать, в чем заключалась моя ошибка! Должна же я совершенствовать свои знания.

– За дерзость! За дерзость я сняла с тебя балл! Распустилась совсем!

– Но мне всегда казалось, что педагог должен оценивать знания ученика, а не его внешний вид или манеру поведения. В чем заключается моя дерзость? Я разговариваю с вами вежливо, не повышая голоса, не хамлю…

– Вон! Вон из класса!

– Не вижу оснований.

И Ольга как ни в чем не бывало уселась за парту. К счастью, прозвенел звонок, а то бы неизвестно, чем все это кончилось. Но больше Косинус к Бахрушиной не вязалась. Потом Оля обломала Калугу, который вдруг решил сесть с ней рядом. Оля пожала плечами – сиди, если хочешь, место не купленное. Просидел он всего два дня – посреди урока физики Калугин вдруг со страшным грохотом свалился с парты на пол.

– В чем дело?! – возопил кроткий старенький физик Павел Ардалионович. – Что там такое, Калугин?

Но Калуга только пыхтел и возился на полу, пытаясь встать.

– Оля, что случилось? – Физик очень трепетно относился к Ляльке.

– Простите, Павел Ардалионович, но Калугин положил руку на мое колено, а мне это не понравилось. Вот я его и подвинула. Слегка.

– Вон из класса, мерзавец! И чтобы без родителей завтра не приходил!

Калуга, весь красный, опрометью выскочил из класса, а Ольга выглядела совершенно невозмутимой. Ее давно уже не рисковали задевать ни девчонки, ни тем более мальчишки: она все называла своими именами и умела ответить так, что оставалось только спасаться бегством, а стоило ей, улыбаясь, взглянуть парню в глаза, как любой из них совершенно терял соображение.

На физкультуру Ольга пришла в новом спортивном костюме, который сидел на ней прекрасно, но совершенно не позволял разглядеть ничего такого особенного, на что надеялись многие из мальчишек. Кудрявый молодой физрук, который был ниже Бахрушиной на полголовы, ходил вокруг нее кругами – Сашка тихо ярился. А на одном из занятий она так «уела» их всех, что слава ее вышла за пределы класса: просидев тихой толстенькой мышкой почти весь девятый класс, в десятом Бахрушина стала звездой школы. Они играли в баскетбол, и Сашка нечаянно попал в кольцо с противоположного края поля – все заорали в восторге, а Ольга насмешливо сказала:

– Подумаешь…

Стала на то же место и, небрежно кинув мяч, сразу же попала в кольцо.

– Да это ты случайно!

– А ты не случайно?

Они стали соревноваться – Сашка мазал раз за разом, а Ольга попала шестнадцать раз из двадцати.

– Шестнадцать к трем! Неплохо.

– Да я тебе поддался!

– Да что ты? И зачем же это ты мне поддался?

Она спросила это как-то так, что все навострили уши, и Сашка предпочел промолчать, хотя внутри все кипело от ярости. И – все одно к одному – вечером в магазине случайно встретил тетю Нюру, известную сплетницу с Крольчатника, которая тут же вклещилась в него с расспросами:

– А как мамка-то, замуж не вышла, нет? А что, отец-то появляется у вас? А про Ляльку-то Бахрушину слышал, нет?

– Что… про Ляльку?

– Не слышал?! Ну как же, как же! Скандал-то какой летом был, ты что! Дачники прямо так и съехали посреди сезона!

– Да что было-то?!

Нюра придвинулась поближе и зашептала:

– Любов у нее была с дачником, вот что! Что уж и как, не знаю, я свечку не держала, но съехать – съехали. Моментом. Коне-ечно, такая девка выросла – ядреная, кровь с молоком, глаз да глаз нужен…

Сашка не поверил.

И поверил.

Потому что сам о чем-то подобном догадывался – Ольга была так уверена в себе, так гордо несла себя по жизни и так насмешливо смотрела, словно знала что-то, о чем они все, несмышленыши, и понятия не имели. Так вот оно что, думал он. Вот, значит, как! Он смутно помнил этого дачника, отцовского приятеля – видел его мельком, когда зачем-то заходил к Бахрушиным перед отъездом на Селигер. Так, ничего особенного, мужик как мужик. Уже старый. У калитки Сорокина ждала Светка, не до посторонних мужиков ему было…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/evgeniya-perova/drug-detstva-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити